

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ КИБЕРАТАК

ГАЛИНА ШИНКАРЕЦКАЯ

Кибербезопасность – новая проблема международного права

Развитие информационных технологий приносит двойные последствия. С одной стороны, создание киберинфраструктур делает жизнь людей комфортней, а управление различными сферами экономики и производственными процессами – более эффективным и менее затратным. Но с другой стороны, управляющие компьютерные системы оказываются подвержены так называемым кибератакам, т. е. враждебным воздействиям через Интернет. В современном обществе широко распространены и продолжают распространяться электронные системы управления, которые доступны для кибератак и легко могут быть выведены из строя. Вмешательство в систему какого-нибудь «умного» дома не принесет много вреда, чего нельзя сказать о вмешательстве в работу региональной или национальной системы телекоммуникаций, финансового обслуживания или обеспечения энергией. Даже незначительные сбои в таких системах способны значительно повредить или даже разрушить жизнь целой страны. Возникла непосредственная угроза использования информационных технологий в военных целях.

Киберугрозы появились едва ли не одновременно с возникновением всемирной компьютерной сети. Сначала шпионаж через Интернет использовался в целях незаконного обогащения, и уже в 1988 г. воздействие на компьютерные сети расценивалось как эффективное и «безопасное», в том смысле, что тех, кто к нему прибегает, почти невозможно установить¹. Хакеры довольно быстро поняли практическую ненаказуемость и высокую прибыльность этого вида деятельности и в скором времени, не ограничиваясь территорией собственной страны, стали выходить за рубеж.

Прибыльность рынка кибератак ведет к тому, что вредоносные объекты, которые обнаруживаются в сети, ежегодно исчисляются миллиардами, они распространяются с более чем 100 миллионов интернет-адресов. Каждый год это число увеличивается на 40 %².

В начале 1990-х гг. стали высказываться опасения о возможном воен-

---

¹ См. **Безкоровайный М.М., Татузов А.Л.** Кибербезопасность – подходы к определению понятия// «Вопросы кибербезопасности», 2014, №1(2),с.22.

² См. "Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция A/RES/53/704 декабря 1998 г."

ном использовании информационных технологий, а в течение нулевых годов был отмечен уже целый ряд хакерских атак на важные системы жизнеобеспечения. Есть основания полагать, что эти атаки были санкционированы государственными органами, причем в то время, когда страны не находились в состоянии войны, хотя отношения между ними были достаточно напряженными³. Так что нельзя исключать, что кибератаки могут стать мощным военным средством. «В недалеком будущем Интернет может стать основным инструментом ведения войны»⁴, – писал член Комитета Совета Федерации РФ по науке, образованию, культуре и информационной политике Р.У. Гаттаров. С появлением так называемого Исламского государства умножились опасения относительно применения кибератак в террористических целях⁵.

Международное право было не готово к такому развитию событий. Если в рамках одного государства законодатель может предложить криминализацию хакерской атаки по аналогии с иными вредоносными деяниями, то установить применимое право в международном плане оказалось совсем не просто.

В российской литературе пока очень немного работ, посвященных кибератакам, в западной литературе их больше, так что уже предложено множество и определений кибератаки, и потенциально применимого права⁶. В определении кибератаки мы сталкиваемся с той же трудностью, что при попытках определить терроризм в силу множественности его проявлений. В научной среде распространено примерное определение террористической атаки как действия, производимого негосударственными акторами против гражданского населения с целью запугивания и создания обстановки хаоса и неверия в способность правительства эффективно защитить граждан⁷.

Относительно кибератаки пока наиболее распространено мнение, что это враждебный акт государства или частных акторов против важных информационных систем и инфраструктур другого государства.

Определение подходов к кибератакам на всемирном уровне

Осознание значения информационных технологий для мира и безопасности в международном сообществе обозначилось еще в 1998 г., когда Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности»⁸. Затем резолюции на эту тему принимались ежегодно.

---

³ См. A/RES/54/49

⁴ См. A/RES/55/28

⁵ См. A/RES/56/19

⁶ См. A/RES/57/53

⁷ См. A/RES/58/32

⁸ См. A/RES/59/61

В 2002 г. имели место два знаменательных события: состоялось заседание Генеральной Ассамблеи ООН, посвященное использованию информационно-коммуникационных технологий в целях развития⁹, а также принята резолюция «Создание глобальной культуры кибербезопасности», в которую были включены так называемые «Элементы для создания глобальной культуры»¹⁰. Годом позже Генеральная Ассамблея приняла резолюцию «Создание глобальной культуры кибербезопасности и защита важнейших информационных инфраструктур»¹¹.

Таким образом, сформировался массив документов, посвященных различным вопросам безопасного использования информационных технологий. Это не нормативные документы – они не создают конкретные обязательства для государств, а являются только рекомендациями, то есть относятся к категории мягкого права. Хотя относительно юридических свойств мягкого права нет единого мнения ни в документах, ни в доктрине международного права, его свойство состоит в том, что оно очень близко к «твердому праву», прежде всего своей способностью порождать правовые последствия¹².

Основываясь на резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, можно утверждать, что были обозначены принципиальные подходы к проблеме кибербезопасности и примерная схема обязательств в этой области. Правда, эти подходы касаются запрета или регулирования киберугроз лишь по аналогии, поскольку относительно враждебного использования кибератак нет ни одного даже рекомендательного документа.

До сих пор правонарушения в компьютерной сфере подчинялись уголовному праву отдельных государств. Государства принимают собственные законы, криминализирующие различные формы соответствующих деяний. В том же русле идет и принятая Советом Европы Конвенция о компьютерных преступлениях, по которой государства-участники обязуются криминализовать в своем уголовном праве атаки на компьютеры и совершенствовать сотрудничество в расследовании киберпреступлений¹³.

В современном международном праве обязательства воздерживаться от недружественных действий касаются отношений между двумя государствами. Однако необходимо учитывать особенность кибератак, порождаемую тесной взаимосвязанностью всех частей Интернета. Эта взаимосвязанность маскирует происходящее в сети, так что, например, установление IP-адресов становится почти невозможным. Поэтому бесполезно пытаться

⁹ Ст.2 (4) и ст.42 и 51 Устава ООН.

¹⁰ См. **Туронок С. Г.** Информационный терроризм: выработка стратегии противодействия // «Общественные науки и современность», 2011, № 4, с. 131-140.

¹¹ Федеральный закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму». См. также Oxford English Dictionary Second Edition, 1989.

¹² См. **Шинкарецкая Г.Г.** «Мягкое» право: настоящее и перспективы развития // «Современное право», 2016, № 2, с. 112.

¹³ См. **Brenner W.** Toward a Criminal Law of Cyberspace: Distributed Security. 2004.

воздействовать на отдельную кибератаку изолированно. Атака на отдельный узел в системе – это атака на всю систему в целом, и воздействовать на нее можно, только воздействуя на всю систему. Одна из трудностей такого воздействия – в Интернете плотно задействованы не только государства, но и большое число юридических и физических лиц и неправительственных организаций. Отсюда следуют два вопроса: вопрос факта – как пробиться сквозь пелену информационных технологий, чтобы установить личность хакера, и вопрос права – определение надлежащего объема воздействия на того, кто совершает атаку.

Основные теоретические проблемы

В процессе поиска регуляторов для противодействия кибератакам не будем забывать, что проблема пробелов совсем не нова в международном праве. Более ста лет назад замечательный российский ученый Ф. Ф. Мартенс доказал, что отсутствие договорного положения, ясно запрещающего какое-либо определенное поведение во время вооруженного конфликта, не означает, что международное право разрешает его. Названная в честь автора «оговорка Мартенса» впервые была включена в преамбулу IV Гагской конвенции 1899 г. о законах и обычаях сухопутной войны и затем фигурировала в последующих документах международного гуманитарного права, включая Женевские конвенции 1949 г.¹⁴

В Дополнительном протоколе I к Женевским конвенциям говорится: «В случаях, не предусмотренных настоящим Протоколом или другими международными соглашениями, гражданские лица и комбатанты остаются под защитой и действием принципов международного права, проистекающих из установившихся обычаев, из принципов гуманности и из требований общественного сознания» (ст.1.2)¹⁵. Другими словами, законы и обычаи войны регулируют информационные войны, не упоминая их конкретно.

Более того, согласно ст. 36 того же протокола при изучении, разработке, приобретении или принятии на вооружение новых видов оружия, средств или методов ведения войны государства-участники должны определить, подпадает ли их применение, при некоторых или при всех обстоятельствах, под запрещения, содержащиеся в настоящем протоколе или в каких-либо других нормах международного права, применяемых ими.

Таким образом, можно определенно сказать: на компьютерные атаки распространяется международное гуманитарное право, хотя и неясно, когда именно и к каким событиям оно применяется.

На основе общего международного права возможно формирование

---

¹⁴ См. Carver J. et al. The Role of Article 50 of the UN Charter in the Search for International Peace and Security, 49 INT'L & COMP. L. Q. 528 (2000).

¹⁵ Cincotta H. Halt Flow of Arms and Foreign Fighters to Iraq, Rice Tells Iran, Bureau of Int'l Info. Programs, U.S. Dep't of State, Apr. 29, 2007, <http://www.globalsecurity.org/wmd/library/news/iraq/2007/04/iraq-070429-usia01>.

специальной системы норм по регулированию, ограничению, определению ответственности за киберугрозы. Назовем несколько параметров этой проблемы.

Первое. Необходимо создать правовой режим для самых тяжелых кибератак, которые достигают уровня вооруженного нападения и приводят к таким разрушительным последствиям, что могут оказать выраженное воздействие на киберпространство и нанести ущерб международной безопасности. Положения Устава ООН, применяемые в совокупности, позволяют поставить некоторую преграду распространению насилия в международных отношениях¹⁶.

Правовые рамки такого режима определяются положениями п. 4 статьи 2 Устава ООН («Все члены Организации Объединенных наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций»), а также статьи 51 Устава («Настоящий устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на члена Организации, до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности»). Трудность состоит здесь в том, что в международном праве нет полной ясности относительно категорий «самооборона» и «применение силы». Можно ли считать кибератаку применением силы по п.4 статьи 2 Устава ООН? Если да, то следует ли из этого правомерность применения права на самооборону, то есть может ли атакованное государство использовать в ответ также кибератаку или иные контрмеры, допускаемые п. 4 ст. 2. Кроме того, здесь необходимо различать государственный терроризм и акты бандитских формирований и в любом случае – пределы ответственности государства за его собственные кибератаки и за атаки, совершаемые частными лицами. Такая «двойная ответственность», по мнению властей США, имела место, например, во время войны в Ираке, когда США обвинили Иран в снабжении иракских сепаратистов, поскольку бойцы из-за рубежа постоянно проникали в зону конфликта¹⁷.

Второе. Означает ли появление кибероружия качественные перемены в значении и природе средств ведения войны? В какой степени правомерно применение к кибератакам правовых норм, применяемых к известному до сих пор оружию, которое, чтобы отличить от кибероружия, называют «кинетическим» или «конвенционным»? Например, правомерно ли при-

---

¹⁶ См. Council of Europe. Convention on Cybercrime, C.E.T.S. No. 185 (Nov. 23, 2001), available at <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/185.htm>.

¹⁷ Jensen E. T. Cyber Warfare and Precautions Against the Effects of Attacks//88 Texas Law Review (2010) 7, p. 1534.

менение конвенционного оружия против информационных атак?

Третье. Вменение ответственности за физическую атаку, произведенную конвенционным оружием, составляет менее трудную задачу, чем установление места происхождения кибератаки. Например, во время блэкаута в Эстонии атаки происходили из самых отдаленных источников, так что хакеры успешно маскировались. При кибератаках мы не найдем ни флагов, ни танков, и личности вторгнувшихся останутся скорее всего скрытыми.

Четвертое. Опора на положения Устава ООН и общее международное право требует решения целого ряда теоретических вопросов общего и более частного характера. Прежде всего, в какой степени к кибератакам и их последствиям применимы общепризнанные законы войны, закрепленные в Гаагских и Женевских конвенциях, которые в наше время квалифицируют как международное гуманитарное право? Применимо ли к этим атакам нормы прав человека? Возможно ли такое понятие, как справедливое применение силы против информационных технологий? Вероятно, сейчас невозможно даже задать все те вопросы, которые уже возникают в ходе международных хакерских атак. Пока не вполне ясно, как международное право вообще и международное гуманитарное право в частности применяются для ограничения кибератак. Неясно также, можно ли говорить о приемлемом числе жертв среди гражданского населения в случае кибератаки и что должно служить надежным критерием – международное гуманитарное право или права человека.

Необходимо напомнить, что до сих пор все хакерские атаки предпринимались в мирное время, то есть при отсутствии войны между государствами. Такие атаки пока не приводили к массовой гибели людей, как это бывает во время вооруженного конфликта. Как должна меняться квалификация актов информационной войны во время мира или во время вооруженного конфликта? Различаются ли ответные меры на атаки внутри страны или из-за рубежа? Каким должен быть в этих случаях баланс между интересами и правами индивидов и национальными интересами безопасности?

Теоретическую проблему составляет и само существование суверенитета и его валидность в киберпространстве.

Поиски применимого права

На поставленные вопросы трудно найти ответы в существующих нормах международного права. Ясно, что кибератаки невозможно квалифицировать как только уголовные деяния или преступления против государственной безопасности. Если относиться к кибератаке как к уголовному преступлению, то лица, совершившие ее, должны наказываться в соответствии с нормами международного права прав человека; но если к ин-

формационной войне относиться как к покушению на безопасность государства, то опорой должно быть международное гуманитарное право. Пока что литературы на эти темы очень немного; авторы в основном концентрируются на вопросах кибертерроризма¹⁸. О кибератаках с точки зрения международного гуманитарного права есть немного работ¹⁹, за пределами этого почти ничего нет.

Ясно, что поиски регуляторов должны вестись в основном в международном гуманитарном праве и международном праве прав человека. При кибератаках опасность для мирного населения возрастает очень значительно, хотя бы потому, что разрушению подвергаются гражданские инфраструктуры. Есть данные о том, что 98 % всей правительственной связи и 95 % военной связи Соединенных Штатов идет через гражданские системы коммуникаций, а не через специальные военные каналы²⁰. Поэтому логично, что в случае войны именно гражданские каналы в первую очередь станут объектами нападения. Нужно еще учесть, что в силу единого характера и структурной однородности систем связи практически невозможно выделить ту часть, которая используется военными, и вся система будет уничтожаться или выводиться из строя целиком, что для гражданского населения может оказаться катастрофой. Таким образом, даже если выбор цели диктуется военной необходимостью и по мере возможности произведено различие между военными и гражданскими компонентами цели, планируемая операция может квалифицироваться как нарушение гуманитарного права, если атака приведет или может привести к причинению излишних страданий комбатантам или гражданскому населению.

Однако необходимо учесть, что эти две отрасли международного права – гуманитарное право и права человека – подходят к проблеме обеспечения жизни и благополучия людей с разных сторон. Международное гуманитарное право действует в ограниченном территориальном и временном пространстве вооруженного конфликта между государствами или воюющими группами в пределах государства. Этим правом презюмируется, что будет нанесен вред, и оно направлено исключительно на ограничение и сокращение этого вреда.

Международное право прав человека действует в мирное время в процессе исследования правильности имплементации международного права в национальное право и в другие документы международного права. В этом праве подход не общий, как в международном гуманитарном пра-

---

¹⁸ См. **Rivlin A.** The Economy and the Internet: What Lies Ahead?// Brookings Institution (2008) <http://www.brookings.edu/papers/2000/12technologylitan.aspx>.

¹⁹ См. **Robertson H. B., Jr.** Self-Defense against Computer Network Attack under International Law//76 INT'L L. STUD. 2002, p.134.

²⁰ См. **Shackelford S. J.** From Nuclear War to Net War: Analogizing Cyber Attacks in International Law// Berkeley Journal of International Law, v.27, 2009, p.192-254.

ве, которое заботится только о массовых действиях в отношении населения, а индивидуальный, относительно отдельного человека.

В этих двух отраслях очень по-разному действует принцип взаимности. В праве прав человека государство несет долговременные обязательства, которые постоянно подвергаются оценке через решения судов и государственных органов. Поскольку при этом бывают нередко затронуты права иностранных граждан, возможны ответные меры. В международном гуманитарном праве такую ситуацию трудно представить.

Заключение

Таким образом, мы видим, что современное международное право не содержит норм, прямо регулирующих возможные враждебные атаки с помощью всемирной сети, но содержит многие положения, которые могли бы применяться по аналогии. Однако анализ показывает недостаточность регулирования по аналогии.

Во-первых, к действиям, составляющим атаку на информационные системы, должно быть применимо определение применения силы или угрозы силой²¹. Комиссия международного права характеризовала данное запрещение как *juscogens*²². Что касается объекта воздействия силой, то непосредственному жесткому запрещению подлежит применение силы против территориальной целостности или политической независимости государств, однако в практике государств объект угрозы квалифицируется шире и охватывает различные элементы существования государства и общества²³.

В понятие угрозы или применения силы обычно не включаются экономические и политические формы давления, и в целом среди специалистов не складывается общего согласия относительно кибервойны как угрозы силой²⁴. Кибератаки как вид вражеского воздействия не могут расцениваться как военные меры, что косвенно подтверждается Уставом ООН. В ст.41 «меры, не связанные с использованием вооруженных сил» – это, в частности, «полный или частичный перерыв <...> почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения». Но означает ли это, что, например, проникновение в систему управления воздушным движением не является актом применения силы? Или это означает, что на компьютерные атаки вообще не распространяется Устав ООН? Что, конечно, не соответствует действительности.

---

²¹ См. Tallinn Manual on the International Law Applicable to Cyber Warfare. M. Schmitt ed., 2013.

²² Обзор см.: Terry J. P. The Lawfulness of Attacking Computer Networks in Armed Conflicts and in Self-Defense in Periods Short of Armed Conflict: What are the Targeting Constraints?//169 Military Law Review (2001), p. 86-87.

²³ См. **Watkin K.** Controlling the Use of Force: A Role for Human Rights Norms in Contemporary Armed Conflict//American Journal of International Law, v.98, 2004, # 1.

²⁴ См. **Wolf J. B.** War Games Meets the Internet: Chasing 21st Century Cybercriminals with Old Laws and Little Money// American Journal of Criminal Law. V.28, 2000, p.95.

Во-вторых, недостаточность регулирования по аналогии становится еще более очевидной в случае конфликтов немеждународного характера, на которые также распространяется международное гуманитарное право. Чаще всего речь в этом случае будет идти о деятельности террористических групп, для которых характерно «расползание» по территориям нескольких соседних (и даже далеко отстоящих) государств. Компьютерные атаки, производимые от имени террористической группы, могут сами по себе привести к возникновению вооруженного конфликта. Более того, если враждебные действия в основном состоят из атак на информационные системы, границы конфликта размываются и становятся трудно определимыми, что, в свою очередь, затрудняет определение положения гражданского населения²⁵.

Правда, трудно определимым становится и характер конфликта как международного или немеждународного, если, например, атака производится с территории другого государства. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии определил, что немеждународный конфликт существует в том случае, если внутри государства имеет место обширное насилие между организованными вооруженными группами²⁶. Это определение завоевало популярность, поскольку в нем дается два критерия такого конфликта – его интенсивность и участие организованных вооруженных групп. Последующие решения трибунала по Югославии закрепили его. Однако нормативного закрепления этого понятия пока нет.

Таким образом, специальные нормы, применимые к регулированию правоотношений, возникающих в ходе компьютерной войны или нападения на информационные системы, пока не сформированы. Можно с уверенностью утверждать, что они будут формироваться на основе общепризнанных принципов и норм общего международного права. Однако, учитывая большую специфику данного вида деятельности, трудно было бы ограничиться регулированием нормами международного права по аналогии. Наиболее эффективным было бы создание нового, специального международного договора, посвященного международной кибербезопасности. В этом договоре могли бы быть обобщены и уточнены положения и международного гуманитарного права, и международного права прав человека.

Ключевые слова: кибербезопасность, киберинфраструктура, компьютерные системы, международное гуманитарное право, права человека, мягкое право

---

²⁵ См. ICTY.Tadić ,Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal, para.70. https://docviewer.yandex.ru/view/10546553/?*

²⁶ <http://federalbook.ru/files/BEZOPASNOST/soderghanie/NB%20I/IX/Gattarov.pdf>

ԳԱԼԻՆԱ ՇԻՆԿԱՐԵՏԿԱՅԱ – Միջազգային կիրեռհարձակումների կարգավորման և սահմանափակման իրավական հիմնախնդիրները – Բոլորովին վերջերս միջազգային իրավունքում ի հայտ է եկել նոր հիմնախնդիր, այն է՝ կիրեռանվտանգությունը, այսինքն՝ այսպես կոչված կիրեռենթակառուցվածքների (տնտեսության կառավարման և հասարակության կենսապահովման համակարգչային համակարգերի) վրա թշնամական ներգործությունից պաշտպանության մեթոդների, դրա հետևանքների վերացման հիմնախնդիրը:

Հոդվածում քննարկվում են կիրեռհարձակումների օգտագործման ու դրանց կանխարգելման այն առանձնահատկությունները, որոնք խոչընդոտում են ընդհանուր միջազգային իրավունքի, ինչպես նաև միջազգային մարդասիրական իրավունքի և մարդու իրավունքների պաշտպանության միջազգային իրավունքի նորմերի կիրառումը:

Հեղինակը հանգում է այն եզրակացության, որ անհրաժեշտ է կնքել ինդրին վերաբերող համալիր բնույթի հատուկ միջազգային պայմանագիր:

Բանալի բառեր – կիրեռանվտանգություն, կիրեռենթակառուցվածք, համակարգչային համակարգեր, միջազգային մարդասիրական իրավունք, մարդու իրավունքներ, փափուկ իրավունք

GALINA SHINKARETKAIA – Legal Problems of Limitation and Regulation of International Cyber-attacks .– Quite recently a new problem – cyber-security issue emerged in international law. The problem refers to finding methods to resist hostile cyber-attacks and to remove their negative impact over critical cyber-infrastructures.

The article demonstrates some peculiarities of the use and restraint of cyber-attacks which prevent applicability of rules of general international law as well as international humanitarian law and international human rights law. The author concludes that a new special international treaty of a complex character is needed.

Key words: *cyber-security, cyber-infrastructures, computersystems, international humanitarian law, human rights, soft law*